

Гусева Наталия Сергеевна

**ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ:
КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ ГИПОТЕЗЫ И ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА**

В статье освещаются изменения, которые претерпела историческая мысль на протяжении XX - начала XXI в., в частности анализируются проблемы объективности и достоверности исторической науки, а также роли личности историка в историческом познании в контексте идей конструктивизма и философии постмодерна. Рассматривается влияние школы "Анналов" на развитие историографии, дается трактовка понятий "историческая антропология", "лингвистический поворот", "постмодернистский вызов" с позиций современной историографии, теории и методологии истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-1/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 54-59. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 419 с.
2. Куликов В. Б. Педагогическая антропология: истоки, направления, проблемы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 192 с.
3. Розанов В. В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 624 с.
4. Розин В. М. Философия образования: этюды-исследования. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «Модэк», 2007. 576 с.
5. Сеченов И. М. Избранные произведения. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин. просв. РСФСР, 1953. 333 с.
6. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ МОСКВА, 2010. 349 с.
7. Эмерсон Р. У. Нравственная философия. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. 384 с.
8. Эфроимсон В. П. Предпосылки гениальности (биосоциальные факторы повышения умственной активности) // Человек. 1997. № 3. С. 15-20.

MAN AND CULTURE IN TERMS OF PEDAGOGICAL ANTHROPOLOGY

Irina Aleksandrovna Greshilova, Ph. D. in Philosophy

Trans-Baikal Territorial

Institute of Educationalists Further Training and Professional Retraining

IAGreshilova@yandex.ru

The author analyzes the value-cultural foundations of pedagogical anthropology, on which basis the process of personality formation in culture is realized, determines the anthropological regularities for the transmission of cultural values that contribute to the formation of an educational process subject "self-conception", and presents the formulation of man and culture interaction fundamental principles in the context of pedagogical anthropology pointing at multivariate approach to personality development.

Key words and phrases: man; culture; education; personality; philosophy; pedagogical anthropology.

УДК 930.2

В статье освещаются изменения, которые претерпела историческая мысль на протяжении XX – начала XXI в., в частности анализируются проблемы объективности и достоверности исторической науки, а также роли личности историка в историческом познании в контексте идей конструктивизма и философии постмодерна. Рассматривается влияние школы «Анналов» на развитие историографии, дается трактовка понятий «историческая антропология», «лингвистический поворот», «постмодернистский вызов» с позиций современной историографии, теории и методологии истории.

Ключевые слова и фразы: конструктивистские гипотезы исторического познания; постмодернизм; школа «Анналов»; социально-структурная история; социально-культурная история; «постмодернистский вызов»; «лингвистический поворот».

Наталья Сергеевна Гусева

Кафедра истории и социально-гуманитарных наук

Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова

tasha_rus_90@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ:
КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ ГИПОТЕЗЫ И ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА[©]**

XX в. внес кардинальные коррективы в развитие исторической мысли: появляются абсолютно отличные от господствовавших ранее взгляды на историческую науку и роль главного ее субъекта – историка в процессе исторического познания. Какая из историософских идей преобладает в современной историографии: позитивизм с его «ранкеанскими» идеями писать историю «так как это было» или конструктивизм со своей теорией, «согласно которой объекты научного познания являются конструктами сознания исследователей» [2, с. 8]? Поиск ответов на данные вопросы является, безусловно, ключевым как для развития современной исторической науки, так и для понимания смысла истории как науки вообще.

Достаточное внимание этим процессам в своих работах уделил Н. Е. Копосов, в свою очередь рассматривающий историю как процесс, «существующий лишь в нашем воображении» [Там же]. Придерживаясь мнения о том, что история пишется историками, он уже во введении к своей книге «Как думают историки» отмечал, что «историк не есть вместилище абсолютного разума, и он не настолько возвышен над человеческим несовершенством, чтобы судить о пребывающем во времени с точки зрения вечности» [Там же]. Немаловажной для исторической науки считает эту проблему и Б. Г. Могильницкий, посвящая в труде «Введение

в методологию истории» [4] отдельную главу рассмотрению и анализу вопросов объективности исторического познания и роли историка в этом процессе.

По словам А. Я. Гуревича, «наиболее смелые и продуктивные прорывы к углубленной исторической эпистемологии были совершены на базе неокантианства» [1, с. 15]. Поэтому нельзя не отметить, что в современной историографии популярна зародившаяся в рамках неокантианской философии истории конструктивистская гипотеза, основными версиями которой (в рамках исследований Н. Е. Копосова) являются герменевтическая, позитивистская и постмодернистская. Четкой грани между ними исследователь не выделяет, ограничиваясь лишь условными примерами, реализованными в свое время в исторической науке. «Границы между этими версиями, – далее читаем у Н. Е. Копосова, – оставались размытыми, и элементы разных версий нередко сочетались в рассуждениях одного и того же автора» [2, с. 218]. В частности, «для немецкой критической философии была характерна герменевтическая версия конструктивистской гипотезы, во французской традиции (будь то социология Э. Дюркгейма или школа «Анналов») преобладала позитивистская версия... а лингвистический поворот основывается на постмодернистской версии конструктивизма» [Там же]. Особенности каждой из них была подчеркнута роль историка, его сознания и разума как своеобразного конструкта исторического процесса: «происходившее в действительности становится историей лишь в той мере, в какой попадает в область разума и преобразуется в ней. Разум определенным образом полагает эмпирическую действительность, превращая ее в собственное произведение – в историю» [Там же, с. 8]. В свою очередь, Б. Г. Могильницкий еще десятью годами ранее отмечал, что «историк пишет не так, как это было в действительности, а как он думает, что так было, исходя из своих идейно-теоретических и общеисторических представлений» [4, с. 67].

Таким образом, роль личности историка в историческом познании – одна из наиболее актуальных проблем в специфике получения объективного знания в исторической науке. Значит ли описанное выше, что понятие «объективность» не применимо к исторической науке, а сама история, исходя из этого, и вовсе не является наукой как таковой? Обозначенная проблема для исторической науки поистине глобальна, поэтому прежде чем делать какие бы то ни было выводы, рассмотрим процесс развития историографии на протяжении прошлого – начала нынешнего столетий.

В прошлом веке историческая наука переживала глубокие кризисные явления, результатом которых стала своеобразная методологическая революция, в частности развитие идеи методологического синтеза. «Старые теории, – отмечал в 30-е гг. XX в. французский историк-исследователь и один из основателей школы «Анналов» Л. Февр, – необходимо было заменить новыми. Следовало пересмотреть все научные понятия, на которых покоилось до сих пор наше мировоззрение» [11, с. 34]. Под «старыми теориями», безусловно, понималась позитивистская историография с ее устаревшим к тому времени набором принципов и методов исследования. Что же представлял собой позитивизм и почему он не смог удовлетворить историков своей методологией исторического исследования? Дело в том, что господствовавшая в XIX в. позитивистская историография «отожествляла объективность исследователя с его беспристрастностью и тем самым снимала проблему объективности исторического познания» [4, с. 65]. Тем самым «она выработала идеальный образ объективного исследователя, беспристрастно излагающего события прошлого» [Там же]. «Ранкеанский» историк, основываясь на фактах, почерпнутых в первую очередь из исторических источников, «должен смотреть на вещи так, как их видели люди того времени, которое он изучает, не пытаясь давать им оценку, и его читатели никогда не должны знать, республиканец он или монархист, либерал или революционер» [Там же]. «Очевидная утопичность такого образа историка, – отмечал Б. Г. Могильницкий, – противоречившего всей историографической практике, породила закономерную реакцию против подобных представлений» [Там же].

Ведущую роль в преодолении подобного кризиса исторической науки сыграла французская историография в лице нескольких поколений историков, первыми из которых были Л. Февр и М. Блок, «подлинными новаторы, осуществившие знаменательный переворот, который возвратил историческому знанию утраченное им гуманистическое содержание, вернувшие интерес публики, широкую читательскую аудиторию» [8, с. 226]. «Изгоним наивный реализм в стиле Ранке», – призывал Л. Февр [2, с. 9]. Его призыв был многократно повторен и – по крайней мере, на уровне риторики – усвоен большинством исторической профессии.

Таким образом, известные «анналисты» М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель и другие сторонники их методологических взглядов порвали с традициями позитивистской историографии. «Они вели битвы за научную историю против традиционной, повествовательной и эрудитской историографии, решительно отвергнув историю-рассказ, разработав концепцию истории-проблемы» [8, с. 228]. С этого момента «был взят курс на междисциплинарную историю и привлечение к совместной исследовательской работе представителей общественных наук – экономики, социологии, социальной психологии. Это была история людей и отдельных человеческих обществ, ставившая целью восстановить все аспекты их жизни и деятельности в переплетении разных обстоятельств и побудительных причин» [Там же, с. 226-227].

Таким образом, именно французская историография, возглавляемая представителями школы «Анналов», впервые заявила о необходимости смены научных парадигм и провозгласила становление «новой исторической науки».

С 60-х гг. XX в. начинается так называемый «золотой век» междисциплинарного взаимодействия, когда происходит массовое утверждение принципов и методов «новой исторической науки» в западной историографии по примеру французской школы «Анналов», но со своеобразными их проявлениями в национальных вариантах (ФРГ, Англия, США). В то же время возникают и новые проблемы: «наряду с полемикой о старых и новых путях истории, об избавлении от приоритета политической и событийной

истории и преодолении методологического кризиса в традиционной историографии развернулась широкая дискуссия об отношениях между историей и социологией» [Там же, с. 230]. В кругах профессиональных историков прозвучал горький вопрос: «Нужна ли вообще историческая наука, неужели истории суждена лишь роль служанки социальных наук?».

В ходе подобных дискуссий 70-х – начала 80-х гг. XX в., носивших, как правило, международный характер, выявились различные тенденции в понимании предмета и содержания социальной истории. «Одни исследователи, – отмечает Л. П. Репина, – рассматривая социальную историю как промежуточную область между экономической и политической историей, ограничивали ее задачу изучением социальной структуры в узком смысле слова, т.е. исследованием истории социальных ячеек, групп, институтов, движений (так называемая социально-структурная история). Другие стремились постичь человеческое общество в его целостности, исследуя социальные связи между индивидами» [7, с. 173]. В свою очередь, новое направление этому поиску придало введение в социальную историю подходов, заимствованных из антропологии и социальной психологии. А решающую роль в обогащении социальной истории и изменении ее природы сыграло движение за «историю снизу», или «народную историю» [Там же, с. 174].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в 70-е гг. XX в. происходит явный сдвиг интересов социальных историков от исследования структурных изменений к ментальным представлениям, ценностям, обычаям, моделям поведения и т.п., т.е. от социологически ориентированной, социально-структурной истории к антропологически ориентированной, социально-культурной истории, или исторической антропологии, претендующей на главенство в исторической науке. «Так, – отмечает Л. П. Репина, – вслед за социологическим в современной историографии произошел антропологический поворот» [8, с. 233-234], который в свою очередь выступил с претензией на последнюю истину и безраздельное господство в новейшей историографии [Там же, с. 234]. Этот поворот определялся, прежде всего, объективными методологическими трудностями: социально-научные теории, облегчающие анализ структур и процессов, оказались недостаточными, чтобы связать его с изучением деятельности индивидуальных и коллективных субъектов истории. Так в рамках «новой исторической науки» возникли два противоборствующих между собой направления: социальная (так называемая социально-структурная) и культурная антропология.

Данные противоречивые вопросы привели к ощутимым трудностям в развитии научного знания. Наиболее приемлемым виделся такой выход из сложившейся проблемы, как интеграция и синтез различных исследований и их объяснений. «Все громче, – отмечает историк Л. П. Репина и ее коллеги, – звучит призыв к преодолению антитезы сциентистской и гуманистической тенденций, структурного и антропологического подходов, системного и динамического видения исторического процесса» [Там же, с. 235-236]. Одновременно росло осознание взаимодополнительности новых междисциплинарных и традиционных исторических методов, сохранивших свое центральное место в исследовательской практике [7, с. 170]. Немаловажно и то, что среди социальных историков все больше росло осознание того, что историческая антропология, несмотря на специфические интегративные характеристики своего предмета, не может сама по себе обеспечить полное рассмотрение исторической действительности и не способна представить целостную реконструкцию исторического прошлого человечества.

Таким образом, отметим, что с середины 1980-х гг. поиск новых объяснительных моделей расширил круг интерпретаций, базирующихся на представлении о диалектическом характере взаимодействия социальной структуры, культуры и человеческой активности. С одной стороны, шли процессы поиска новой интегральной парадигмы, но в то же время, с другой стороны, наблюдалось такое явление, как смещение исследовательского интереса от общностей и социальных групп к историческим индивидам, их составляющим. Последнее привело к тому, что в 1990-е гг. замелькали фразы «постмодернистский вызов», «лингвистический поворот» и «семиотический вызов».

В связи с этим, характеризуя современное состояние историографии, стоит отметить, что довольно прочные позиции занимают субъективистские (в частности, постмодернистские) взгляды на природу исторического познания. В наиболее развернутом виде они представлены в получивших широкую известность на Западе трудах американского историка-постмодерниста Х. Уайта [10] (одного из отцов-основателей «лингвистического поворота» в исторической науке), «обосновывающих поэтическую природу истории, не имеющей вследствие этого ничего общего с подлинной научностью» [4, с. 64]. Так называемый «постмодернистский вызов» истории, в первую очередь, «был направлен против концепций исторической реальности и объекта исторического познания» [8, с. 245]. «Постмодернистская версия конструктивистской гипотезы, – отмечал Н. Е. Копосов, – исходит из представлений о том, что мир дан нам только в языке и благодаря языку и что, следовательно, наши представления об истории являются лишь результатом действия “лингвистических протоколов”, которыми порождены исторические тексты» [2, с. 219].

М. Фуко, Х. Уайт и ряд других историков-постмодернистов в полном соответствии с постмодернистской парадигмой считали, что изучение истории не дает нам возможности видеть ее как постоянный или закономерный процесс: он не имеет ни начала, ни конца, ни направления, ни определенного смысла. Таким образом, согласно представлениям историков-постмодернистов в корне изменяются взгляды на историю: «она теряет телеологичность, присущую практически всем концепциям, претендовавшим ранее на универсальное объяснение исторического процесса» [9, с. 81]. Современные постмодернисты утверждают, что смысл истории теперь приобретает инновационно, что история «не является эволюционным процессом» и «не обусловлена социально-экономическими трансформациями общественного организма» [Там же, с. 82]. История

по М. Фуко – это «сфера действия сил бессознательного, хаотичного, скачкообразное накопление знаний и изменений дискурса (текст, речь)» [Там же, с. 81].

Таким образом, по-новому ставится вопрос не только о возможной глубине исторического понимания, но и о критериях объективности и способах контроля исследователем своей творческой деятельности. Перед историком встает вопрос: кем является он сам в данном процессе? «В связи с формированием в историографии постмодернистской парадигмы, – отмечает Л. П. Репина, – происходят серьезные изменения в сфере профессионального сознания и самосознания историков, связанные с пересмотром традиционных представлений о собственной профессии, месте истории в системе гуманитарно-научного знания» [8, с. 246].

В приведенных рассуждениях есть доля здравого смысла. Вполне естественно, что, как и любая другая наука, история стремится к объективности и достоверности. Но возможно ли достижение подобных устремлений, возможна ли беспристрастность исследователя (историка) в исторической науке?

И здесь мы подходим к одному из центральных вопросов современного состояния исторической мысли – вопросу о специфике исторической науки, учитывая которую «можно рассчитывать на научное решение проблемы объективности исторического познания» [4, с. 66-67]. Это понимали многие ученые-историки. В частности, Б. Г. Могильницкий видел в этих процессах «рациональное зерно, которое заключается в понимании взаимозависимости понятий “объективность” и “научность”». Нельзя не согласиться с ученым и в том, что «история может претендовать на ранг науки лишь в том случае, если в состоянии доказать свою способность получать объективно истинное знание» [Там же, с. 64].

Общеизвестно, что главная отличительная особенность и специфика исторической науки заключается в том, что историческое познание характеризуется единством объекта и субъекта познания, что в конечном итоге превращает историю в самопознание общества. Кроме того, историческое познание не является прямым, т.е. изучаемые объекты уже не существуют в реальной действительности. «История, – отмечает Б. Г. Могильницкий, – едва ли не единственная наука, которая изучает то, чего нет... предметом ее изучения является прошедшее, недоступное прямому наблюдению исследователя» [Там же, с. 69].

Именно поэтому перед современными историками-исследователями возникает вопрос об обосновании объективности исторического познания. В частности, «как и немецкие историки, основатели “Анналов” были убеждены в ограниченности историка, замкнутого в горизонте своего времени» [2, с. 275]. «В самом деле, – отмечает Н. Е. Копосов, – уже знакомые нам идеи о том, что реальность социальной жизни опосредована сознанием и что исторические факты не даны историку в источниках в готовом виде, определяют методологические размышления Блока и Февра» [Там же, с. 274]. Таким образом, общее умозаключение представителей так называемой «буржуазной» историографии XX в. (по определению Б. Г. Могильницкого, который тем самым отличал ее от марксистской науки, представителем которой являлся сам) сводится к тому, что «не существует исторической реальности, которая была бы дана науке в готовом виде и которую ей надлежало бы просто с точностью воспроизвести... историческая реальность, будучи реальностью человеческой, полисемантическая и неисчерпаема» [Там же, с. 273].

Но подтверждает ли все вышеперечисленное историческую субъективность? Нельзя не отметить справедливое умозаключение Б. Г. Могильницкого о том, что «проблема объективности исторического познания сводится к проблеме объективности исторического факта» [4, с. 98]. Поэтому данный вопрос, перефразируя, можно обозначить следующим образом: насколько объективную информацию дают исследователям исторические источники, на анализе и интерпретации которых строятся исторические исследования? Фактологическая тема постоянно звучала у одного из первых представителей «новой исторической науки» – Л. Февра: «Что вы называете фактами?... Именно историк вызывает к жизни даже самые незначительные исторические факты... Наблюдение никогда не берет готовых фактов. Наблюдение – это конструирование... Историческую реальность, как и реальность физическую, мы воспринимаем через посредство форм нашего разума...» [2, с. 277]. «Освободимся от иллюзий. Человек не помнит прошлого. Он всегда реконструирует его... Он не хранит прошлое в памяти... Он исходит из настоящего – и только через него истолковывает прошлое» [Там же, с. 276]. «С тех пор, – отмечает Н. Е. Копосов, – любой мало-мальски образованный историк знает, что “чистых” фактов не существует и что изображать прошлое таким, “каким оно было на самом деле”, – не более чем иллюзия “наивного реализма”» [Там же, с. 9].

В противоположность разного рода «субъективистским трактовкам» (в т.ч. и вышеизложенной трактовке Л. Февра), Б. Г. Могильницкий, в свою очередь, отмечал, что «марксистская наука исходит из признания объективной природы исторического факта, доступной научному познанию» [4, с. 99]. По его мнению, исторические факты не являются «произвольными конструкциями, представляющими собой простой продукт субъективного творчества историка». В то же время признание объективной природы исторических фактов марксистской историографией ни в коем случае нельзя рассматривать как «возвращение историков-марксистов на позитивистские позиции в истолковании их места в процессе научного познания» [Там же]. Здесь действуют совершенно иные тенденции и установки: хотя факты и являются объективными, но нельзя прикреплять к ним ярлык неизменности, раз и навсегда данных и существующих, «они могут включаться в научный оборот по мере успехов исторического познания, но могут и исчезать из него, оказываясь “нефактами”» [Там же].

Следовательно, отчетливая историография не исключала роли личности историка в историческом познании, но в то же время не отводила ему и подавляющего первенства, как это можно было наблюдать в некоторых вариантах зарубежной исторической мысли, в частности вышеупомянутой французской, где идеи

конструктивизма прочно прижились на исторической почве и в конечном итоге окончательно заняли лидирующие позиции.

Таким образом, разум историка, как бы многим исследователям этого ни хотелось, не является абсолютно рациональным. Этот постулат, выдвинутый западной исторической мыслью, уже прочно «осел» в отечественной (а ранее этого – советской) историографии. «Историк, – отмечает Н. Е. Копосов, – не может обойтись без проецирования на историю форм своего разума, ибо мир, включая историю, дан ему только как проекция форм его собственного сознания... а история все равно остается конструктом разума историка, который полагает ее как объект познания» [2, с. 220]. Но в то же время стоит согласиться с томским исследователем Б. Г. Могильницким, утверждающим в своих работах, что историческое познание не субъективно, как это предполагает постмодернистская парадигма, и тем самым «разум историка не сводится к лингвистическому модулю» [Там же].

Критике постмодернизма уделено значительное внимание, и она во многом правомерна. Л. И. Кузеванов, оценивая влияние постмодернизма на современную историческую науку, подчеркивает, что в результате происходит «идеалистическая подмена понятия “исторический источник” понятием “текст”», кроме того, происходит «размывание границ между фактом и вымыслом, между реальным и нереальным, что проявляется в конструировании никогда не существовавших исторических фактов»; обвиняет «в неоправданном объединении реальных исторических событий в единый класс с символическими обозначениями; в абсолютизации единичного, локального... в вульгаризации процедуры сбора и интерпретации исторической информации, что затрудняет саму возможность осуществления верификационных процедур» [3, с. 49].

В свою очередь, критика крайностей постмодернизма не означает отрицания его позитивного влияния на историческую науку, которое, несомненно, существует [5, с. 13-15]. Наиболее взвешенной, по мнению Б. Г. Могильницкого, является оценка постмодерна выдающимся представителем «новой исторической науки» Л. Стоуном. Отвергая «крайности» постмодернизма (отрицание существования объективности исторической реальности, неразличимость истории и литературы, факта и вымысла и т.п.), он вместе с тем подчеркивает в целом благотворное влияние «лингвистического поворота» на историческую науку (среди них: раскованность мысли и воображения, обращение к любым исследовательским стратегиям, выработанным современной наукой, принципиальное многоязычие постмодернистской культуры и, в частности, исторической методологии, развитие диалогических форм исторического познания, его эстетизация, обоснование понятия исторического дискурса как особой формы изображения прошлого, распространение микроисторических исследований и многое другое) [Там же, с. 10]. По образному выражению Б. Г. Могильницкого, из всего этого образуется «тот питательный бульон, из которого может вырасти новая парадигма истории, отвечающая современным научным и социальным реалиям, но никак не являющаяся по своей природе постмодернистской, а напротив, отвергающая его основную интенцию» [Там же, с. 17].

В связи с данными обстоятельствами отметим, что во второй половине 1990-х гг., по мере постепенного усвоения поначалу казавшихся сумасбродными идей, «все громче стали звучать голоса “умеренных”, призывающие к взаимопониманию и примирению» [8, с. 246]. «В условиях “постмодернистского вызова”, – отмечает Л. П. Репина, – сторонники этой позиции, отличной от объективистской и от сугубо лингвистической, нашли точку опоры в том, что невозможность прямого восприятия реальности не означает полного произвола историка в ее “конструировании”» [Там же, с. 247].

В заключение, характеризуя изменения в исторической мысли на протяжении XX – начала XXI в., подчеркнем, что ведущая часть мирового научного сообщества оказалась способной взглянуть на свою практику со стороны и, используя теоретический арсенал микроанализа, смогла разработать новые модели и выйти в новое исследовательское пространство, связанное с дальнейшими исследованиями в рамках принципов междисциплинарного синтеза, идеи альтернативности в исторической науке и применением новейших методов научного исследования.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 321 с.
2. Копосов Н. Е. Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.
3. Кузеванов Л. И. Академизм исторического познания: монография. Изд-е 9-е, доп. М.: НЭИ «Академическая жизнь», 2010. 212 с.
4. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М.: Высшая школа, 1989. 174 с.
5. Могильницкий Б. Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / под ред. Л. П. Репиной, Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 5-22.
6. Оболенская С. В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. 1990. М.: Наука, 1990. С. 182-198.
7. Репина Л. П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М.: Наука, 1990. С. 167-181.
8. Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
9. Сидорцов В. Н. Методологические проблемы истории: учеб. пособие. Мн.: ТеатраСистемс, 2006. 352 с.
10. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
11. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 298 с.

**PROBLEM OF HISTORICAL KNOWLEDGE OBJECTIVITY AND CREDIBILITY:
CONSTRUCTIVIST HYPOTHESES AND POST ART NOUVEAU PHILOSOPHY****Nataliya Sergeevna Guseva***Department of History and Social-Classical Sciences
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
tasha_rus_90@mail.ru*

The author covers the changes that historical thought has undergone during the XXth – the beginning of the XXIst century, in particular analyzes the problems of historical science objectivity and credibility, as well as the role of historian's personality in historical knowledge in the context of constructivism ideas and post art nouveau philosophy, considers the influence of "Annals" school on historiography development, and gives the interpretations of the notions "historical anthropology", "linguistic turn", "post art nouveau challenge" from the perspective of modern historiography, history theory and methodology.

Key words and phrases: constructivist hypotheses of historical knowledge; post art nouveau; "Annals" school; social-structural history; social-cultural history; "post art nouveau challenge"; "linguistic turn".

УДК 111.8

В статье актуализируется проблема оснований науки как возможности возвращения «жизненного мира». Автор уделяет пристальное внимание кризису рациональности в наукознании XX-XXI вв., итогом которого стала трансформация классической методологии и появление феноменологического метода Э. Гуссерля, а также раскрытию сущности интенциональности, полученной с помощью феноменологического метода и содержащей intersubjective горизонты реальности, определенные присутствием трансцендентного начала в бытии (М. Хайдеггер).

Ключевые слова и фразы: разумность; «жизненный мир»; метод; феноменологический метод; интенциональность; феномен; intersubjective смысл; трансцендентное.

Наталья Владимировна Довгаленко, к. филос. н., доцент*Кафедра философии**Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.**dovgal30@rambler.ru***ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ В ПРОЕКТЕ Э. ГУССЕРЛЯ®**

Возможность науки – это возвращение «жизненного мира» человека, отмечает Э. Гуссерль в «Кризисе европейских наук...» [3, с. 20-21]. Отмечает ещё в 30-е годы XX в., однако попытки реализовать данный проект до сих пор наталкиваются на непреодолимые препятствия. Почему? Является ли данная задача невыполнимой, или ее реализация, связанная с рядом фундаментальных трансформаций и рисков, вызывает опасения? Решен ли в науке вопрос об основаниях? «Развитие оснований математики с начала XX в. протекает поистине драматически, и современное состояние математики по-прежнему весьма плачевно, что вряд ли можно считать нормальным... Вместо единой, вызывавшей общее восхищение и одинаково приемлемой для всех математической науки, доказательства которой считались наивысшим достижением здравого смысла, хотя порой и нуждались в коррекции, мы имеем теперь различные, конфликтующие между собой подходы к математике» [6, с. 320]. Данный вопрос является нериторическим и для других наук, в чьих пределах формализованная и строгая математическая база является исходной, в частности, физики: «Вместо традиционного соревнования теории и эксперимента, специалисты по теории суперструн заняты поисками внутренней гармонии там, где критерием истинности являются элегантность, уникальность и красота. Само существование теории держится на магических совпадениях, чудесных сокращениях и связях между казавшихся несвязанными (и, возможно, ещё не открытыми) областями математики» [1, с. 144]. И здесь проблема оснований опять всплывает на проверку, возможно ли ее обойти? Или ее присутствие заявлено необходимостью полагания соизмеримости вещей и событий, необходимостью «дисциплинарной матрицы» [8, с. 239]? Каково же в этой ситуации значение «жизненного мира», реальности? Способна ли наука прорваться к нему, если она вообще ставит себе такую цель сегодня?

Вопрос об основаниях Гуссерль, безусловно, связывает с рациональностью науки, потерявшей свою смысловую связанность с разумностью, которая единственно должна оставаться центральным вопросом знания. «В явном выражении разум является темой дисциплин о познании (а именно об истинном и подлинном разумном познании), об истинной и подлинной оценке (подлинные ценности, как ценности разума), об этическом поступке (истинно добрый поступок, действие из практического разума); при этом "разум" выступает как титульное обозначение "абсолютных", "вечных", "надвременных", "безусловно" значимых идей и идеалов» [3, с. 24]. Но позитивизм и сциентизм отвергают метафизику, задаваясь лишь судьбой и отношениями «голых фактов», изымая из сферы исследования «человеческое» измерение. Таким образом, одним из